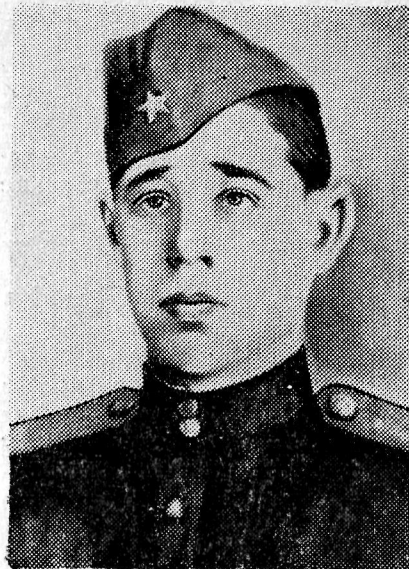

27 00,000,70
Г. 79
А. П. ГРЕБНЕВ

9574
**РАДИ
ЖИЗНИ**

Эти очерки повествуют о жизни и фронтовом пути трех уроженцев Марийского края Героев Советского Союза Василия Соловьева, Константина Кутрухина и Зинона Прохорова, повторивших подвиг Александра Матросова, собственной грудью закрывших вражеские пулеметы. Автор — участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке А. П. Гребнев, в основу своих очерков положил большой документальный материал, собранный им как в архивах, так и из фронтовых газет и встреч с их родственниками, односельчанами, друзьями и однополчанами — очевидцами подвига. Особое внимание автор уделяет раскрытию того, как формировался характер героев, что привело их к подвигу.

ВЕЧНО В СТРОЮ

Глухим осенним вечером Евдокия Петровна, устало склонив голову в старом шарпане, задумчиво крутила прялку. Тусклый свет копилки с трудом выхватывал из темноты шершавые стены приземистой избы, плетеную зыбку, где спал совсем маленький Василек. А пятилетняя Ксения все еще крутилась возле прялки. И снова донимала одними и теми же вопросами:

— Мама, а мама... Где наш тятка? Скоро ли он приедет?..

Что она, Евдокия Петровна, могла сказать своей дочурке, коль сама не знала, когда вернется домой их верный кормилец?

— Ложись, Ксения, спать,— вместо ответа предложила мать, а сама украдкой смахнула с глаз горькие слезы.

— Отчего ты плачешь? Небось, голова болит? — прижалась Ксения к матери.

— Нет, нет... Это просто так. Пора тебе спать. На улице-то вон как темно...

Евдокия Петровна уложила дочь в постель и снова принялась за пряжу. А тревожные думы камнем давили наболевшее сердце. Еще прошлой зимой ее мужа, Ивана Андреевича, забрали на войну. И вот уже сын подрастал, а его самого все не было и нет. С той самой зимы все заботы по хозяйству навалились на ее женские плечи.

Хотя бы скорей вернулся Иван. А если его убьют?.. Как же ей жить без него, когда отовсюду нужда подпирает?..

Правда, соседки часто успокаивали:

— Не тужи, Авдотья. Паряя родила — это же добрая примета: вернется с войны и сам Иван.

А проклятая война шла уже второй год. И казалось, что не будет ей конца. Из одних семей забирали на фронт все новых и новых рекрутов, а в другие приходили «черные повестки» — извещения о гибели мужей и сыновей, отцов и братьев. И в Малых Карамасах, что в моркинской стороне, все чаще раздавался горестный плач женщин, осиротевших детей.

При виде сельского почтальона Евдокия Петровна молила бога, чтобы только не поднесли и ей «черную

повестку». А получив от мужа долгожданную весточку, она, неграмотная крестьянка, спешила к соседям, чтобы там помогли ей прочесть письмо.

В один из глубоких осенних дней до Малых Карамас докатились слухи о революции. На собраниях, митингах стали раздаваться возгласы: «Вся власть Советам! Мир народу! Земля крестьянам!» И солдатики, собираясь у колодцев, говорили:

— Коль такое дело, то и своих мужей дождемся.

— Вернутся наши, вернутся!..

В начале 1918 года переступил порог своей избы Иван Андреевич. В поношенной солдатской шинели с вещевым мешком за плечами. Евдокия Петровна, увидев мужа, совсем было растерялась: скрестив руки возле груди, застыла на месте и не знала, что сказать. Потом со слезами радости так и повисла на шее долгожданного. Восьмилетняя дочурка прильнула к полам отцовской шинели. А стоявший на лавке трехлетний Вася, прижавшись к простенку, недоуменно таращил свои детские глазенки. И тут Евдокия Петровна спохватилась:

— Погляди на сына, погляди! Смотри, каким он стал!..

Иван Андреевич подхватил малыша на руки.

— Сынок мой! Вася, Василек!.. — и давай его целовать в губы, в щечки, в лоб...

Пряников бы ребятишкам, сдобных булок, конфет... Но где их достанешь? Где?.. А Ксения уже поглядывала на вещевой мешок в ожидании гостинцев. Но в вещмешке вместо пряников оказались только оставшиеся от дорожного солдатского пайка засохшая рыба да черные сухари. Но и этим скудным гостинцем дети остались довольны.

— Ничего, детки мои, ничего. Скоро и конфеты, и

пряники, и сушки с маком — всего будет вдоволь, — сказал отец и, повернувшись к жене, добавил: — Теперь наша власть, Советская! Значит, и жить станем по-людски!

А пока еще нужда преследовала на каждом шагу. Не хватало хлеба, не было даже спичек, соли, керосину. За годы войны изба пришла в ветхость.

Иван Андреевич только взялся было за хозяйство, как началась гражданская война.

Многие односельчане уходили в Красную Армию. И он, Иван Андреевич, рвался с оружием в руках защищать молодую республику Советов, но не позволяло подорванное в окопах империалистической войны здоровье. Вместе с сельскими активистами он повел в деревне решительную борьбу за новую жизнь.

Простые люди делали все для того, чтобы отстоять Советскую власть от ненавистных врагов. В то же время, как ни удивительно, открывались новые школы, курсы и кружки по ликвидации неграмотности.

Как раз в те самые тяжелые годы открылась начальная школа и в деревне Малые Карамасы. А через несколько лет перешагнул порог этой школы десятилетний сын Ивана Андреевича — Вася Соловьев.

Первый учитель Васи всегда приветливый и энергичный Никифор Сидорович был близок и к ученикам, и к родителям. Его часто можно было видеть у них дома или на сельском сходе беседующим с крестьянами, которые любили и уважали его, приветствуя при встрече низким поклоном. Сейчас Никифор Сидорович пенсионер.

— Мне хорошо помнится, как Вася пришел в нашу школу, — рассказывает он о своем ученике. — Был он маленький, худенький и до чего застенчивый. Сидел за партой тихо, сжавшись в комочек и не смея лиш-

ний раз пошевелиться. Когда его спрашивал на уроках, мальчик и слова не мог вымолвить. Я даже думал тогда: смогу ли его научить чему-либо? Но, к моей радости, Вася вскоре осмелел и стал разговорчивым. На уроках он был внимателен и сосредоточен. Старание и прилежность помогли ему успешно окончить начальную школу.

Осенью того же года Вася поступил в Аринскую школу крестьянской молодежи. Однако после пятого класса прервалась его учеба — надо было помогать отцу и матери по хозяйству.

В 1931 году в Малых Карамасах началась новая жизнь — многие сельчане объединились в колхоз. Одним из первых стел на общественный двор свою лошадь, отвез соху, деревянную борону и семена отец Васи — Иван Андреевич.

Шестнадцатилетний Василий Соловьев видел, с каким невиданным усердием трудились на колхозной ниве бывшие бедняки и середняки, как запугивали их всякими слухами кулаки, а при случае и вредили. И юноша всем своим пылким сердцем рвался в гущу происходящих событий.

Когда молодые активисты собирались по вечерам к заведующему избой-читальней коммунисту Чернову, то и он, Василий Соловьев, спешил к ним узнать последние известия, получить очередное задание. Когда при Карамасской школе была создана комсомольская ячейка, он вступил в нее. Теперь он тем более старался быть там, где труднее всего, где нужны крепкие руки и молодой огонек. В те горячие дни Василия можно было видеть везде и всюду. Наравне со взрослыми он пахал и боронил, косил сено и убирал хлеба. Вместе с однокашниками он охранял по ночам колхозное добро от кулацких вылазок, помогал школе организовы-

вать кружки ликвидации неграмотности, читал односельчанам газеты, журналы...

Карамасская комсомольская ячейка делала первые шаги. Ей много помогали активисты комсомольской организации завода «Красный стекловар», работники канткома комсомола.

Однажды утром Василий впопыхах забежал домой и прямо с порога выпалил:

— Еду учиться! Завтра же!

— Как это едешь?.. Куда?.. — опешила мать.

— На курсы проммастеров. Так решила комсомольская ячейка.

Евдокия Петровна недоуменно всплеснула руками:

— Что это за такие курсы — ума не приложу. И почему это тебя посылают? Могли бы и другого найти...

— Коль посылает комсомол, стало быть, так надо, — перебил ее Иван Андреевич. Затем похлопал сына по плечу:

— Езжай, Василий, езжай.

Так Василий Соловьев стал курсантом. А через год назначили его мастером промколхоза. Хотя ему исполнилось всего 17 лет, новый рабочий коллектив по достоинству ценил его трудолюбие.

И все-таки родные поля, хлеборобский труд тянули Василия к себе. Правда, вначале он почти не замечал этого, но потом все чаще и чаще начал думать о своей деревне. Через два года неожиданно для начальства промколхоза подал заявление об уходе. Ни обещания повысить зарплату, ни другие посулы не смогли его удержать.

И вот он, Василий Соловьев, снова дома. Новь в жизни села была видна на каждом шагу. Василия радовало то, что на смену дедовским сохам, деревян-

ным боронам да цепам приходили тракторы, молотилки и другие машины. Даже ложась спать, он слышал мерный рокот «железных коней». Появились новые профессии: бригадиры, трактористы, полеводы, учетчики.

Не успел Василий поработать в полную меру, как его вызвали в правление колхоза. Председатель, окинув окрепшего парня приценивающим взглядом с ног до головы, объявил:

— Вот мы тут посоветовались промеж собой и решили тебя послать в Морки на курсы.

— На какие? — спросил Василий.

— На курсы колхозных кадров. С осени открывают.

— Н-да-а. Подумать надо.

— И думать нечего. Бригадиры нужны. Грамотные, толковые. Выучишься и принимай любую бригаду.

Опять на целый год засел Василий за книги.

А как только вернулся в колхоз, его поставили во главе полеводческой бригады. И на этот раз он с прежним комсомольским задором взялся за новое дело. А начал с расстановки рабочей силы, с укрепления трудовой дисциплины, без чего нечего было и думать о каком-либо успехе. Колхозники уважали своего молодого бригадира за умение организовать труд, за чуткость и отзывчивость.

На полевых работах новый бригадир добивался того, чтобы все делалось так, как учили на курсах. Раньше, чем в других бригадах, справлялись с сенокосом, жатвой и обмолотом хлебов. Когда отсеялись, Василий вместе со всеми радовался каждому теплему дождю, дружным всходам озимых.

Пришло время уборки нового урожая, и на участ-

ках его бригады хлеба уродились самыми лучшими. В 1937 году его бригада заняла первое место.

Но Василий знал, что при удобрении и умелой обработке почвы по всем правилам агротехники можно получить еще более весомые урожаи.

Как-то он зашел со своими планами в правление. Однако председатель спросил его совсем о другом:

— Бывал на нашей колхозной пасеке?

— Как же, бывал,— отозвался Василий.

— Так вот, мы решили ее расширить. Загвоздка в том, что нет у нас специалиста-пчеловода.

— А я чем могу помочь? — пожал Василий плечами.

— Должен помочь,— загадочно подмигнул ему председатель.— На курсы пчеловодов хотим послать. Ну, как?..

— Так что же это получается? — недоуменно развел Василий руками.— Сколько же можно на разных курсах учиться?

— Все должны учиться,— улыбнулся председатель.— Тебя выбрали как молодого передового бригадира. Через полгода вернешься и возглавишь пасеку.

И вот он, Василий Соловьев, уже пчеловод.

Зная о том, что полноценный медосбор во многом зависит от расположения пасеки, он придирчиво обследовал окрестные леса, речушки и луга. А затем пасека была перенесена на новое место, сухое, вблизи липового леса, лугов, гречишных полей и речки.

Без усталости трудился Василий со своими помощниками, стараясь наладить все по-научному, как советовали книги, которые ему удалось приобрести во время учебы, установить во всем порядок и организованность, с детства ставшие его внутренней потребностью.

Односельчанам запомнилась в характере Соловьева еще одна особенность. На совещаниях и заседаниях, где ему по долгу службы приходилось бывать, он внимательно слушал все выступления, а когда обращались к нему, обычно отвечал:

— Все, что нужно, сказали. Сейчас важнее разговоров конкретная работа.

В труде и в гуще практических дел формировался характер будущего героя.

Свыше трех лет заведовал Соловьев пасекой колхоза «У куат».

Большие надежды возлагал пчеловод на лето 1941 года. Руководство поручило ему разработать план расширения и благоустройства пасеки. Составил он и личный план: закончить заочно сельскохозяйственный техникум, получить среднее специальное образование. Благоприятная весна и начало лета обещали богатый медосбор, и Василий почти не отлучался с пасеки.

* * *

Воскресный день двадцать второго июня выдался удивительно ясный и теплый. Василий проверял на пасеке, как идет медосбор, в каких ульях готовится выход новой пчелиной семьи, подсчитывал, сколько потребуется новых ульев.

Под вечер приехала к нему на пасеку жена Надя с двухлетним сыном Юркой. По ее встревоженному взгляду Василий понял: случилось что-то неладное.

— Что с тобою, Надя? Что случилось?.. — шагнул к ней Василий.

Но жена какие-то минуты стояла молча, и лишь ее тонкие губы мелко дрожали. И вдруг, будто проснувшись от кошмарного сна, иступленно выдохнула:

— Война...

Василий отпрянул.

— Да что ты?.. Какая война?..

— Немцы напали... По радио сообщили...— со взхлипом произнесла Надежда Антоновна.— Многим, рассказывают, повестки пришли. Что же будет, Вася?.. Как же так?..

— Успокойся, Надя. Слезами горю не поможешь,— приголубил Василий жену, хотя и сам был потрясен неожиданным известием.

Многие односельчане уходили на фронт. Изю дня в день томительно ждал призыва в армию и Василий Соловьев. Однако повестки все не было и нет. Тогда он сам поехал в райвоенкомат с просьбой добровольцем отправить на фронт.

Выслушав его, военный комиссар устало сказал:

— Ваше патриотическое желание добровольцем поехать на фронт мне понятно, однако удовлетворить просьбу пока не могу. Многие рвутся на фронт. Очень многие. Но всех отправить не имеем возможности. Если потребуетесь — вызовем.

— Я не о всех говорю, товарищ комиссар. Я о себе говорю. Я должен быть на фронте,— не отступал Василий.

— Нет, нет,— отрезал военком.— И в колхозе нужны крепкие рабочие руки. Разговор окончен.

Опечаленный отказом Соловьев вышел на улицу. Возле здания военкомата шумно: много призванных в армию, подтянутых, сосредоточенных, немногословных, и прощающихся с ними родственников, друзей. Когда он увидел, как целый строй направлялся на сборный пункт, и того сильнее заняло сердце колхозного пчеловода. Глубоко вздохнув, Василий устало присел в тени на скамейку. «Меня-то почему не бе-

рут? Чем я хуже других? — размышлял он про себя.— Как же уломать этого несговорчивого военкома?»

Василий снова вернулся в кабинет военного комиссара и еще решительнее и настойчивее стал просить:

— Товарищ комиссар! Ну чем я хуже других? На действительную службу просился — не взяли. Сейчас прошусь — опять отказ. Везде считали передовиком, а тут ума не приложу. Я же комсомолец! Как же могу я стоять в стороне, сидеть где-то в тылу? Я должен быть на фронте. Поймите меня, товарищ комиссар.

Однако и на этот раз его доводы не подействовали.

— Езжайте домой и не мешайте работать,— только и всего услышал в ответ.

В постоянных хлопотах летели дни за днями. А с фронта все шли тревожные вести. Враг захватывал город за городом, область за областью. Под его пятой оказались Прибалтика, Белоруссия, Украина. Гитлеровские полчища подбирались уже к Ленинграду и Москве. Вместе с односельчанами Василий тяжело переживал за судьбу Родины. Он уже не находил себе места. Приходя с работы домой, каждый раз спрашивал:

— Повестки не было?

— Да нет, Вася, нет,— первой отвечала мать.

Закончили уборку и обмолот хлеба. Досрочно выполнили план сдачи хлеба государству, все излишки зерна стали вывозить в фонд обороны страны. А повестки о призыве в Красную Армию так и не было. В один из октябрьских дней Василий Соловьев решил вновь поехать в райвоенкомат, но вскоре член сельского Совета вручил ему долгожданную повестку. Прочитав ее, вздохнул он облегченно:

— Наконец-то! На фронт! Бить заклятых фашистов!

Настало время колхозному пчеловоду заменить дымарь на автомат, защитную сетку на противогаз, уютный домик на фронтовой блиндаж...

* * *

Шел октябрь сорок первого года. Моросил холодный дождь. Односельчане группами и в одиночку собирались к дому Соловьевых на проводы. Каждый напутствовал Василия добрым словом.

Шестидесятилетний Иван Андреевич говорил сыну:

— Василий, ты идешь защищать нашу Советскую власть. Знаю, что такое война. В первую мировую на себе испытал. Били мы немцев, а они опять лезут. Бей же фашистских извергов и за себя, и за меня. На войне всякое может быть, но не трусь. У худой славы — длинный хвост.

— Не беспокойся, отец, — заверил Василий. — Все понимаю. Ведь я, чай, не маленький.

Плакала мать Евдокия Петровна. Плакала жена Надежда. Как знать, доведется ли еще встретиться когда-нибудь? — думал каждый. И только двухлетний сын Юра не мог понять, почему так много собралось народу и отчего всхлипывают бабушка с матерью. Расстроенный прощанием с родными, Василий схватил его на руки, поцеловал трижды в пухлые губы.

— Ну, сынок, расти большой, — передал малыша жене и обнял ее. — Не плачь, Надюша. Вот разобьем фашистов и все вернемся домой.

Провожающие долго стояли под морозящим осенним дождем, смотрели вслед Василию. Смотрели до тех пор, пока перелесок не скрыл его повозку.

Из Сотнурского военкомата призывников привезли

на железнодорожную станцию Помары. Василию Соловьеву казалось, что оттуда повезут их на Зеленый Дол, а там прямиком — на Москву. Но, к его огорчению, паровоз потянул их в сторону Йошкар-Олы.

В столице республики им сказали: предприятия города выполняют срочный заказ для фронта, а людей для этого не хватает. И всю команду призывников зачислили в рабочий батальон. Началась новая напряженная жизнь. Личный состав части не только работал, но и усиленно занимался боевой подготовкой.

Многие, в том числе и Василий Соловьев, просились в действующую армию, но им говорили, что выпускаемая им продукция крайне необходима фронту и потому они должны делать то, что поручили.

Через месяц Василий получил первое письмо от жены. Надежда Антоновна писала, что сын Юра здоров, но скучает по отцу, отец и мать на колхозных работах, а сама она трудится на строительстве оборонительного рубежа.

В первых числах декабря всю страну облетела радостная весть: под Москвой наши войска перешли в решительное контрнаступление и успешно продвигаются на запад. Но в эти же дни в ликующее сердце Василия Соловьева неожиданно ворвалось большое горе: на строительстве оборонительного рубежа трагически погибла жена Надежда Антоновна.

Командование части разрешило Соловьеву выехать на несколько дней в родную деревню, чтобы проводить в последний путь верную подругу жизни.

Надежду Антоновну хоронила вся деревня. На заснеженном сельском кладбище вырос могильный холмик, за которым скрылась его Надя. С болью глядя на него, вслушиваясь в тишину, где не прозвучит больше ее голос, Василий поклялся добиться быстрой-

шей отправки на фронт, чтобы мстить фашистам за гибель жены, за муки и страдания советских людей.

И на этот раз его просьба была удовлетворена.

Поезд мчался на Запад. Под размеренный стук вагонных колес солдатские думы обгоняют одна другую. За окнами вагона заснеженный лес, мелькают телеграфные столбы, полустанки. Проехали Зеленый Дол.

— А все-таки, ребята, интересно бы знать: на какой фронт везут? — произнес белобрысый парень.

— Хорошо бы на Западный, — ответил его сосед. — Вон как дают там немцам прикурить!..

— Куда бы ни повезли, а лишь бы только фрицев бить, — подал голос Василий Соловьев, собрав пальцы в кулак.

— Это верно! — все его поддержали.

Когда позади осталась Казань, все решили, что путь лежит на Западный фронт.

Поздним вечером прибыли в Москву. В морозной ночи не видно было огней над городом, как в мирное время. Вскоре завывли сирены, мощные лучи прожекторов прошили темное, как антрацит, небо. Где-то вдали ударили зенитные пушки, донеслись глухие раскатистые взрывы...

Молодые бойцы впервые ощутили на себе грозное дыхание войны.

Той же ночью поезд тронулся дальше.

Вскоре Василий Соловьев вместе с товарищами оказался в 9 гвардейской стрелковой дивизии 39 армии Калининского фронта. Здесь, на ржевско-вяземском плацдарме и началась его фронтовая жизнь.

Ясным морозным утром новобранцев выстрелили на лесной поляне. С приветственной речью выступил перед ними начальник политотдела гвардии подполков-

ник Крайнюков. Затем он вкратце рассказал о боевом пути соединения. Из его слов стало известно о том, что до войны дивизия находилась на Дальнем Востоке. В конце октября она была переброшена под Москву и в самый критический период, когда гитлеровцы неудержимо рвались к столице, части дивизии вступили в бой. За стойкость и мужество в боях под Москвой свыше трехсот воинов награждены орденами и медалями Советского Союза, и дивизии в числе первых было присвоено наименование гвардейской.

После краткой речи политработника началось торжественное вручение новобранцам боевого оружия и гвардейских значков.

Василий Соловьев, услышав свою фамилию, вздрогнул слегка и с трепетным волнением вышел из строя. Бывалый воин-орденоносец вручил ему новый автомат. Обветренное лицо новичка обдало жаром, сердце забилось учащенно, натруженные руки захладили вороненая сталь боевого оружия.

Как настойчиво рвался Василий на фронт! Как долго он ждал того часа, когда вручат вот этот самый автомат! Вот он, наконец-то, держит его в своих руках. Да, теперь уже недалеко то время, когда вот с этим самым автоматом он ринется в бой.

Василий хотел все это произнести вслух, но от чувства необычного волнения загнулся на полуслове. И сказал совсем просто:

— Спасибо за доверие.

Здесь же прикрепили на грудь Василия гвардейский значок.

От имени прибывшего пополнения Василию Соловьеву было поручено выступить с ответным словом. И раньше ему приходилось держать речи на митингах и собраниях, но на этот раз он волновался, как ни-

когда. После небольшой паузы, сделав два шага вперед, он негромко и коротко сказал:

— Дорогие товарищи! Мы ясно понимаем: служить в гвардейской дивизии — это большая честь. Ваше доверие мы оправдаем. Будем бить фашистов беспощадно. Клянемся быть достойными защитниками своей Родины. Если потребуется, то не пощадим своей жизни ради полной победы над врагом!

В тот же день Василия Соловьева определили в подразделение связи. Связист. Нелегкая это специальность. Теперь он имел дело не только с автоматом, но и с катушкой, орудием, телефонным аппаратом. Ну, что же, к трудностям Василию не привыкать. Он был уверен в своих силах.

Правда, времени на освоение новой специальности было мало. Учились днем и ночью, в любую погоду.

И вот молодой, еще необстрелянный солдат, готовится к первому бою. Вечером объявили боевой приказ. Надо бы поспать перед боем, набраться сил, но, как на зло, пропал весь сон. В голове роились разные мысли. Как сложится все на поле боя? Он читал об этом в газетах, слышал рассказы бывалых фронтовиков. И все же волновался. Сумеет ли оправдать доверие товарищей? Как бы там ни было, а все-таки страшновато. «Главное, преодолеть в себе этот чертовский страх, — размышлял он. — Иначе не быть тебе настоящим воином».

Утреннюю тишину разорвали мощные залпы грозных «катюш», орудий и минометов — началась артиллерийская подготовка атаки. Над позициями противника забушевал огненный смерч. Сотрясающий гул канонады нарастал с каждой минутой. С исходных позиций двинулись вперед танки и самоходно-артиллерийские установки. В небо взвились ярко-красные

ракеты. Под прикрытием танков устремились в атаку стрелковые подразделения. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника.

Отважные гвардейцы стремительным броском ворвались в первую траншею противника. В ход пошли гранаты, штыки и малые лопаты. Не давая гитлеровцам опомниться, наши бойцы с ходу заняли их вторую и третью линии траншей.

Но вот противник, подтянув из глубины свои резервы, уцепился за центральную усадьбу совхоза, открыл по наступающим ураганный огонь.

Подразделение, в котором находился гвардии рядовой Василий Соловьев, было вынуждено на время залечь. От вражеского артиллерийско-минометного огня то и дело рвался телефонный кабель. Под свист пуль и вой снарядов Василию Соловьеву приходилось устранять одно повреждение за другим.

Когда центральная усадьба совхоза была освобождена, перед ним предстала страшная картина: тринадцать расстрелянных и до неузнаваемости истерзанных гитлеровцами мирных жителей поселка лежали на улице. Вместе с боевыми товарищами наш земляк молча поклонился жертвам палачей, и в его груди, как никогда, закипела лютая ненависть к фашистам.

В другой освобожденной деревне, когда в сумерках затих бой, на улице появилась скрывавшаяся до этого в погребе колхозница Варвара Ипатова. Обливаясь слезами, она рассказала солдатам, как немцы расстреляли восемьдесят женщин, стариков и детей, требуя выдачи партизан. Так день за днем с боями проходили гвардейцы пепелища сел и деревень Смоленщины, встречая всюду следы кровавого разбоя фашистских головорезов, надеявшихся запугать советских людей, но будивших на себя только новую ненависть.

Василий Соловьев шел в боевых порядках наступающих, обеспечивая командира бесперебойной связью. Но вот в самый разгар боя замолк телефонный аппарат. Сколько ни пытался Василий услышать голос с другого конца провода, ответа не было. И выйти на линию никого из товарищей не оказалось.

— Все... Никакого ответа. Должно быть, обрыв,— выдохнул он командиру под конец и сам попросился выйти на линию.

— Давай! — согласно кивнул ему командир.

Где короткими перебежками, а где и ползком пробирался Василий вдоль телефонного кабеля. Противные свисты пуль и гулкие взрывы снарядов сжимали сердце в комок. «Вперед, только вперед», — подгонял он себя.

Вот он, наконец, проклятый обрыв. Теперь как бы скорей соединить концы провода. Живей, живей, пока немцы молчат... И вдруг совсем рядом брызнули снежные фонтанчики: по связисту застрочил фашистский пулемет. Василий только успел восстановить связь, как почувствовал острую боль. Уткнувшись в воронку, перевел дыхание. Потом он приподнял голову — хотелось знать, откуда били по нему. Вражеский пулемет оказался совсем недалеко от него. Недолго думая, Василий открыл по нему огонь из автомата. Бил он до тех пор, пока не замолчал пулемет. Превозмогая боль, гвардеец пополз обратно. С трудом добравшись до командного пункта, коротко доложил:

— Связь восстановлена!

Бойцу оказали первую медицинскую помощь, затем его эвакуировали в тыл.

Около двух месяцев пролежал Василий Соловьев в госпитале. Пока лечился, письма домой не писал —

не хотел тревожить родителей. И только перед выпиской сообщил домой о том, что был ранен, а теперь жив-здоров и снова едет на фронт.

В мае 1943 года он вернулся в свою 9 гвардейскую стрелковую дивизию, которая находилась на Смоленском направлении и готовилась к новым наступательным боям. Теперь он стал автоматчиком второго батальона тридцать первого стрелкового полка.

* * *

Победы советских войск на полях Подмосковья, под Сталинградом, на Курской дуге и других стратегических направлениях вызвали смтение и растерянность в стане гитлеровцев, которые никак не могли понять, откуда у нас берутся столь громадные резервы, поступающие на театр военных действий. Ведь пропагандисты Геббельса еще в сорок первом году вовсю трубили о том, что Красная Армия разгромлена и близка победа немецких войск. В 1943 году фашистская газета «Дас шварце кор» откровенно писала: «Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепит из уральской глины в любом количестве людей и технику».

Но это не было чудом. Гитлеровцы просто оказались не в состоянии сколько-нибудь объективно оценить неисчерпаемые силы, таящиеся в недрах советского общественного строя, понять способность наших людей, воспитанных партией коммунистов, на массовый героизм.

И все-таки враг оказывал ожесточенное сопротивление. В частности, он возлагал немалые надежды на Смоленский плацдарм, откуда был кратчайший путь

на Москву. Потому Гитлер приказал своим войскам: «Умереть, но город Смоленск не сдавать». Однако события обернулись иначе.

Седьмого августа перешли в наступление войска Западного, а тринадцатого августа — войска Калининского фронтов. 31 гвардейский стрелковый полк, в котором находился Василий Соловьев, получил приказ наступать в направлении города Духовщина, что в пятидесяти километрах северо-восточнее Смоленска. Перед решающими схватками с противником многие писали родным и друзьям письма, подавали заявления с просьбой принять в партию. Только с 17 августа по 6 сентября в партийные организации частей 9 гвардейской стрелковой дивизии поступило свыше тысячи заявлений.

В эти самые дни решил связать свою судьбу с партией и Василий Соловьев. Вот текст его короткого заявления в парторганизацию: «В действующей армии нахожусь 20 месяцев. Замечаний не имел. С Уставом партии знаком. Прошу принять меня в ряды партии. Хочу идти в бой коммунистом».

Парторг полка майор Пустовой помог Василию оформить нужные документы. Одну из рекомендаций выдал ему сам.

Вскоре же Соловьеву передали о том, что его вызывают на заседание партийного бюро полка. Пока он шел на это заседание, невольно вспомнил всю свою жизнь. Да и как же иначе? Ведь там, когда станут разбирать его заявление, непременно попросят рассказать автобиографию и только потом будут судить: достоин ли он быть в семье коммунистов.

Вот и та самая землянка, в которой заседало партийное бюро части. Возле нее толпились люди — каждый с волнением ждал той минуты, когда пригласят

на заседание. Тех же бойцов, которые уже выходили из землянки с веселыми лицами, живо обступали плотным кольцом, поздравляли от души, расспрашивали: как да что, не слишком ли строги члены партбюро?..

Через некоторое время пригласили в землянку и Василия Соловьева. Подтянутый и стройный, как молодой дубок, предстал он перед членами партбюро. Майор Пустовой зачитал его заявление, назвал фамилии рекомендующих членов партии.

— А теперь расскажите о себе,— предложил Василию один из членов партбюро.

Когда Василий шел сюда и мысленно разговаривал с самим собой, вроде бы все получалось складно, а тут от волнений как-то разом порастерял приготовленные заранее слова и фразы. Вскоре все-таки он взял себя в руки и, ничего не тая, выложил все, как прожил свой двадцать восемь лет.

— Ну, а как воевал, вам видней,— сказал он под конец и замолк в ожидании новых вопросов.

Но, к его удивлению, вопросов больше не было.

— Есть предложение: принять Соловьева Василия Ивановича кандидатом в члены партии,— обвел парторг взглядом присутствующих в землянке.

— Да, да,— поддержали члены партбюро, и каждый из них тепло поздравил бойца и крепко пожал ему руку.

Под вечер Соловьев вернулся в свое подразделение автоматчиков. Серые облака заволокли небосклон. С переднего края по-прежнему слышались отдельные разрывы мин, треск пулеметных и автоматных очередей. Друзья Василия чистили оружие, о чем-то оживленно беседовали.

— Ну как там?..

— Приняли?..— отовсюду посыпались вопросы.

— Да, ребята. Приняли! — отвечал Василий.

— Да мы и не сомневались, — похлопал его по плечу белокрысы автоматчик. — Ну, что ж, поздравляю!

— А где командир взвода? — оглянулся Василий.

— В штаб вызвали, — отозвался тот же белокрысый. — Сами ждем его с минуты на минуту.

Наконец показался командир взвода младший лейтенант Чегаркин. Оглядел бойцов, как бы прицениваясь к каждому из них, и те поняли, что командир получил в штабе важное задание. На этот раз Чегаркин не построил подчиненных, как это бывало при объявлении боевого приказа, извлек из планшета карту и повелительным движением бровей подозвал их к себе.

— Ну что ж, ребята. Пора и нам двигаться вперед, — начал он запросто. Развернув карту, ткнул пальцем на отметку 229,6. — Нам приказано во что бы то ни стало овладеть этой самой высотой и тем самым дать возможность развернуть наступление всему батальону. — Еще раз оглянув бойцов, вставил свою излюбленную фразу: — Так что придется нам крепенько поработать.

Уточнив каждому отделению объект атаки, младший лейтенант остановил свой пытливый взгляд на Соловьеве, как бы говоря: теперь и ты коммунист, и все остальные бойцы по тебе станут держать равнение.

Василий и сам прекрасно понимал свое место в бою. Понимал, что с коммуниста двойной спрос. Здесь же он получил первое партийное поручение: провести беседу в своем взводе об отличившихся в предыдущих боях однополчанам.

Но с чего начать беседу? Последнюю сводку Совинформбюро солдаты уже сами прочитали. Так что

еще раз останавливаться, пожалуй, нет особой нужды. Лучше всего начать с рассказа о подвиге однополчанина старшего сержанта Степана Зорина, который только в последних боях уничтожил до 130 немецких солдат и офицеров, захватил автомашину, исправную самоходную пушку «фердинанд». Это благодаря ему батальону удалось без потерь преодолеть водную преграду и развить дальнейшее наступление.

И когда Соловьев повел рассказ о подвигах отважного сержанта, то автоматчики сами включились в эту беседу. Один за другим они стали вспоминать боевые эпизоды. Потом попросили своего друга из Казахстана коммуниста Матигулина рассказать о том, как он в последнем бою гранатой заставил замолчать вражеский пулемет, а в рукопашной схватке уложил девять немецких солдат, за что был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Все получилось как надо. После беседы Василий невольно подумал: «Такие ребята в бою не подведут». Мысли его сосредоточились на предстоящем дне. Бывалый солдат, он знал, что заранее всего в бою предусмотреть невозможно.

В ночь перед боем Василий почти не спал. Противник, конечно, предпримет все меры к тому, чтобы удерживать высоту. Надо быть готовым ко всему.

Перед рассветом автоматчики выдвинулись на исходный рубеж. Соловьев оказался на левом фланге подразделения. Он еще и еще раз проверил исправность своего автомата, наличие патронов, гранат и стал ждать новой команды.

Вот младший лейтенант Чегаркин подал бойцам своего взвода условный сигнал «вперед». Применяясь к складкам местности, бойцы подползли еще ближе к вражеским окопам.

— В атаку — вперед! — раздался властный голос командира.

Автоматчики ринулись на высоту. Но противник ударил по ним шквалом огня из пулеметов и автоматов. Свинцовый град прижал гвардейцев к земле. Что делать? Как быть? Лежать вот так, под огнем противника, — верная гибель всему подразделению.

В эти напряженные минуты боя гвардии рядовой коммунист Василий Соловьев, не ожидая приказа командира, сам решил расчистить путь атакующей группе и быстро пополз к вражеской траншее. Залегшие автоматчики открыли огонь, прикрывая боевого друга.

Василий стремительным броском ворвался в траншею противника. Немцы, не ожидавшие столь дерзкого налета, растерялись. А Василий, воспользовавшись их замешательством, закидал гранатами два пулеметных расчета врага. Оставшиеся в живых немецкие солдаты начали поспешно отступать, но их тут же настигал меткий огонь Василия Соловьева. Внезапность, смелость и быстрота принесли победу.

Автоматчики во главе с младшим лейтенантом Чегаркиным вновь поднялись в атаку. Но вдруг совсем недалеко от Соловьева заговорил немецкий дзот. Гвардейцы вновь были вынуждены прижаться к земле. Под пулеметным огнем на глазах Василия гибли друзья-автоматчики. Что же делать? Что?.. Как заставить замолчать фашистский пулемет? — лихорадочно думал Василий. — В эти критические минуты решается исход боя. Если пулемет не замолчит, всем его боевым друзьям грозит верная смерть. Если бы гранаты — другое дело. Но их нет. Ни одной не осталось.

На дальнейшее раздумье уже не было времени. И Василий решился на последний шаг...

Командир взвода младший лейтенант Чегаркин и

все его бойцы видели, как Василий отполз в сторону, избрал для себя удобную позицию. Потом он решительно поднялся в рост, взмахнул друзьям рукой, зовя их вперед, и тотчас же стремительным броском накрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

Казалось, на какое-то мгновение прекратился бой — настала необычная тишина. Но вот всколыхнулись цепи атакующих гвардейцев. Громкое «Ура!», треск автоматов, хлопки гранат. Вскоре высота была взята.

На место гибели Василия Соловьева первым подбежал санинструктор старшина Ибрагимов, бережно положил изрешеченное пулями тело отважного автоматчика на пожелтевшую траву. Сидя на корточках, он смотрел на неживое лицо погибшего товарища и у самого, казалось, замерло сердце.

А бой уходил все дальше и дальше. Батальон гвардии капитана Антоненко, продолжая преследовать отходящего противника, с ходу занял деревню Жуково.

Вечером, когда закончился бой, соратники Василия Соловьева собрались почтить светлую память погибшего друга. Прощаясь с ним, комсорг полка младший лейтенант Молодык говорил на похоронах:

— Все мы хорошо знали боевого друга Василия Соловьева. В нашей фронтовой жизни он был скромным, трудолюбивым, исполнительным солдатом. Говорить много он не любил, все знания и силы отдавал делу разгрома немецко-фашистских захватчиков. В критическую минуту боя, находясь наедине с самим собой, принять такое решение мог только человек нестигаемой воли, твердого характера и великого мужества. Воспитанник комсомола, коммунист Соловьев своим подвигом приумножил боевую славу полка и

всей дивизии. Его имя будет записано золотыми буквами в историю части. Он честно выполнил свой долг перед Родиной.

Возле дороги, в километре восточнее деревни Жуково Духовщинского района Смоленской области, появился свежий могильный холмик. На нем его однополчане, ушедшие на запад, поставили спешно сделанный памятник с надписью: «Похоронен красноармеец части генерала Простякова, совершивший героический подвиг в бою за деревню Жуково, Соловьев Василий Иванович».

Командир 31 гвардейского стрелкового полка А. И. Белев сообщил родителям героя о том, как их сын сражался с немецкими захватчиками, умело защищая Советскую Родину, а, когда потребовалось, не колеблясь, отдал за нее свою жизнь. Имя бесстрашного солдата навечно сохранится в памяти боевых товарищей. Командир заверил родителей в том, что личный состав части жестоко отомстит врагу за гибель своего товарища.

Заместитель начальника политотдела дивизии майор Замула 17 сентября 1943 года писал начальнику политотдела 39 армии генерал-майору Петрову: «Бойцы частей воспитываются на героических подвигах лучших гвардейцев дивизии. Героический подвиг 28 августа совершил рядовой 2-го батальона 31 гвардейского стрелкового полка коммунист Соловьев. Жертвывая своей жизнью во имя Родины, он собственным телом закрыл амбразуру вражеского дзота, чем заставил замолчать пулемет, обеспечил успешное продвижение нашей пехоте. Об этом беспримерном подвиге рассказано в дивизионной газете «За Родину» и проведены беседы среди всего личного состава дивизии».

На партийных и комсомольских собраниях бойцы

и командиры клялись в том, что они приумножат бесмертный подвиг Василия Соловьева. Через два месяца подвиг Соловьева повторил его однополчанин Владимир Смирнов.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 июня 1944 года Василию Соловьеву и Владимиру Смирнову посмертно присвоил звание Героя Советского Союза.

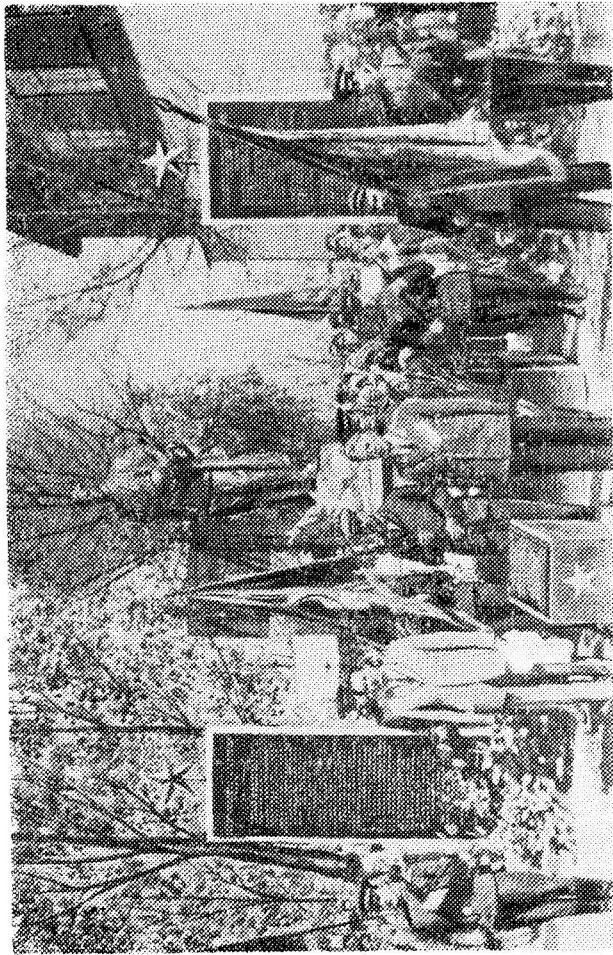
* * *

Многие очевидцы героического подвига гвардии рядового Соловьева Василия Ивановича оставили нам свои воспоминания.

Вот что писал Г. Ибрагимов в дивизионной газете «За Родину» от 14 сентября 1943 года: «Сильна и горда Красная Армия своими богатырями. К числу героев принадлежит имя нашего боевого товарища гвардии рядового Василия Ивановича Соловьева. Подобно Герою Советского Союза Александру Матросову он не пощадил жизни своей во имя победы, во имя спасения своих товарищей».

28 августа 1943 года шел жаркий бой. Группа бойцов подобралась к траншее противника, но враг неожиданно ударил с фланга сильным пулеметным огнем, и группа залегла. Тогда гвардеец Василий Соловьев решил во что бы то ни стало расчистить путь подразделению. Под прикрытием огня товарищей он ворвался в траншею противника и уничтожил гранатами два немецких пулемета с их расчетами.

Казалось, путь для подразделения открыт. Но стояло только нашим бойцам подняться, как вдруг почти рядом с Соловьевым заговорил немецкий дзот... И гвардеец Василий Соловьев вступил с ним в бой, не щадя своей жизни для достижения победы. Он на гла-

9 мая 1966 года. Митинг трудящихся г. Душавицы, посвященный Дню Победы над фашистской Германией. Открытие мемориальной доски на могиле Героя Советского Союза Соловьева В. И. В почетном карауле стоят — первый секретарь райкома КПСС — Пахолов М. И., полковник в отставке — Гребнев А. П.

нах товарищей телом прижался к амбразуре дзота. Пулемет захлебнулся, замолчал.

Так выполнил свой солдатский долг верный сын марийского народа, коммунист, гвардии рядовой Василий Соловьев, наш боевой товарищ. Его имя вечно будет служить для нас примером мужества и героизма.

Он сражался доблестно и умело, сея смерть в рядах врага, а сам оставался неуязвимым. Но пришел час, когда только ценой собственной жизни можно было открыть путь к победе и спасти товарищей. И большевик-гвардеец не дрогнул...

Запомним, товарищи гвардейцы, имя Василия Соловьева — гордость и славу нашей части!»

О подвиге Соловьева вспоминал в дивизионной газете 7 июня 1944 года участник боя гвардии ефрейтор П. Грибин:

— В бою ли, в учебе ли мы стараемся быть похожими на Соловьева. В грядущих боях, если Родина потребует, каждый из нас с готовностью повторит его бессмертный подвиг.

На одном из митингов однополчанин героя старшина В. Петров говорил:

— С огромным воодушевлением встретили мы Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении звания Героя Советского Союза гвардейцам нашей части красноармейцу Василию Ивановичу Соловьеву и старшему сержанту Владимиру Ефимовичу Смирнову, чьи бессмертные подвиги вошли в историю героических подвигов советской гвардии. Павших боевых друзей никогда не забудем. Перед их памятью клянемся еще лучше совершенствовать свое боевое мастерство, чтобы в предстоящих схватках с врагом нанести ему последний смертельный удар.

Со страниц дивизионной газеты почти не сходил героический подвиг нашего земляка. В передовой статье «Авторитет большевика» от 2 декабря 1943 года писалось: «Ежедневно в боях с врагами Родины коммунисты наших подразделений показывают, что для члена партии нет ничего выше, чем интересы народа. Мы гордимся такими большевиками, как Степан Зорин, десятки раз ходивший в атаку и уничтоживший свыше 300 немцев. Мы гордимся героями-большевиками Василием Соловьевым и Владимиром Смирновым, отдавшими жизнь за Родину, телом своим прикрывшими вражеские пулеметы». В другой передовой статье от 7 июня 1944 года читаем: «Сегодня мы публикуем Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза гвардейцам нашей части старшему сержанту Смирнову Владимиру Ефимовичу и красноармейцу Соловьеву Василию Ивановичу. Бессмертные подвиги этих героев, пожертвовавших своей жизнью во имя победы, во имя Родины, золотой страницей войдут в историю нашей части, в летопись Великой Отечественной войны. Подвиги коммунистов Смирнова и Соловьева являются ярким свидетельством моральной стойкости советской гвардии, беззаветной преданности своему Отечеству, партии Ленина».

Год тому назад автору этой книги довелось встретиться с бывшим командиром 9-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майором в отставке Игнатием Васильевичем Простяковым и командиром 31-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковником в отставке Андреем Ивановичем Белевым. Этим ветеранам уже за семьдесят лет, головы побелены сединами, видны следы ранений, но они сохранили прежнюю солдатскую выправку и подтянутость.

— Полк, которым я тогда командовал,— говорит Андрей Иванович,— оставил неизгладимый след в моей памяти. Бои в районе Духовщины были невероятно тяжелыми. Однако наступательный порыв наших солдат, сержантов и офицеров ничто не могло сдержать. Всех их можно без преувеличения назвать настоящими героями. Не щадя своей крови и самой жизни, они громили врага, стремясь приблизить конец ненавистной войны.

Когда мне доложили на командный пункт о подвиге солдата Соловьева, минутой молчания все мы почтили память погибшего мужественного воина. И тотчас же я приказал начальнику штаба выяснить все подробности боя за высоту. Вскоре же мы представили в штаб дивизии материал для присвоения Соловьеву звания Героя Советского Союза. Однако потом меня самого ранило, и я оказался в госпитале. И лишь через газету узнал о присвоении ему высокого звания Героя.

* * *

Торжественно отметили советские люди День Победы. Наступил долгожданный мир на земле.

А Иван Андреевич и Евдокия Петровна вновь оплакивали в тот день своего не вернувшегося с войны сына. Многие односельчане разделяли с ними эту невосполнимую утрату.

Не залечились еще раны войны, как семью Соловьевых постигло новое горе— после тяжелой болезни скончался Иван Андреевич. Евдокия Петровна осталась одна с шестилетним внуком Юрой.

Любовь и привязанность Юры к бабушке ежедневно напоминали Евдокии Петровне ее сына Васю, его

детские и юношеские годы. Материнская тоска по сыну не давала ей душевного покоя ни днем, ни ночью.

Восемь лет мечтала Евдокия Петровна побывать на месте гибели сына Василия, поклониться его могиле. И вот в свои шестьдесят шесть лет она поехала на Смоленщину.

На рассвете мать солдата с заплаканными глазами сошла с поезда на станции Ярцево. Поезд вскоре ушел, опустел перрон. Только она, Евдокия Петровна, с небольшим заплечным рюкзаком осталась у вокзала и тревожно смотрела по сторонам: ей нужно узнать дорогу на Духовщину.

В этих краях нередко появлялись подобные пассажиры, и первыми приходили к ним на помощь работники станции. И Евдокии Петровне они оказали теплое гостеприимство: напоили горячим чаем и проводили в путь.

— Быть может, вот по этой же дороге когда-то шагал и мой Вася,— подумала Евдокия Петровна.

Занятая своими мыслями, она и не заметила, как подкатила грузовая машина. Уже в годах водитель осмотрел старушку пристальным взглядом и спросил:

— Далеко ли, мамаша, путь держишь?

— С сыном хочу повидаться, — поклонилась она водителю. Смахнув кончиком платка нахлынувшую слезу, поведала ему свое материнское горе.

Водитель, очевидно, тоже испытавший на себе всю тяжесть минувшей войны, без лишних слов усадил ее рядом с собой в кабину.

Сколько километров проехали, Евдокия Петровна не знала. Но вот водитель притормозил машину и тихо сказал:

— Вот и деревня Жуково, мамаша... Когда обратно поедешь?

— Денька с два побуду,— дрогнувшим голосом отозвалась Евдокия Петровна.

— Буду знать. Если удастся, подвезу обратно до станции.

— Спасибо, сынок,— поблагодарила она.

Машина тут же умчалась дальше, оставляя за собой хвост серой пыли. И вдруг Евдокия Петровна, спохватившись, упрекнула себя:

— Как же это я забыла спросить имя человека? Совсем выжила из ума...

Козырьчком приставив руку к морщинистому лбу, она огляделась вокруг и подошла к стоявшей неподалеку женщине. Та, выслушав ее, пригласила незнакомую гостью к себе в избу, угостила обедом. И они вместе пошли на могилу Василия.

Полтора километра молча шли две женщины.

Завидев возле дороги полинявший от времени памятник, Евдокия Петровна остановилась. Тревожно забилось ее истосковавшееся сердце, и ноги стали непослушными. На глазах вновь выступили слезы. Русская женщина подхватила женщину-марийку под руки, помогла ей дойти до заветного места, к которому она так долго вралась.

Две женщины, опустив головы, молча стояли у поросшего травой холма. Стояли долго. Не сговариваясь, обе опустили на колени, низко поклонились, отдавая дань глубокого уважения павшему.

— Вот, сынок, и приехала к тебе,— дрогнули иссохшие губы Евдокии Петровны.

Могилы были прибраны и огорожены. Возле памятника лежали букеты полевых цветов. Жители Духовщинского района свято чтут память своих освободителей. Местный житель не пройдет равнодушно мимо ни одной из более трех десятков тысяч солдатских мо-

гил, разбросанных по району, не поклонившись низко праху погибшего.

Вечером жители деревни Жукова собрались, чтобы послушать рассказ матери, воспитавшей сына-героя. А потом каждая семья звала Евдокию Петровну к себе в гости, как свою родную мать.

На другой день старую мариюку сопровождали к могиле героя уже многие взрослые и школьники. Материнское горе облегчалось этими проявлениями общего сочувствия и заботы.

Незаметно прошли два дня.

Рано утром на том же месте, где Евдокия Петровна сошла, затормозила знакомая грузовая машина.

— Вот я и приехал за вами,— приоткрыл водитель дверь кабины.— Садитесь рядом.

По пути остановились у солдатского памятника. Склонив голову, старушка-мать прошептала:

— Прости, сынок. Уезжаю домой. Вряд ли придется еще к тебе приехать, а вот твой сын Юра, как подрастет, приедет. Он часто тебя и сейчас вспоминает. Прости...

Это была первая и последняя поездка матери к сыну. В 1961 году Евдокия Петровна умерла. Сын Василия Соловьева — Юрий живет и работает ныне в колхозе имени Чавайна Моркинского района.